

Меня бесит, что наши отношения он ни в грош не ставит и я для него — пустое место. Меня бесит, что сам он вообще не напрягается, а я, видите ли, должна выкладываться по полной. Романтику он давно задвинул, а секс ему подавай. На первом месте у него телефон.

Ненавижу его за то, что работу он ставит превыше семьи. А еще за то, что изменяет мне.

Мой муж — самовлюбленный напыщенный мудака. Но он не убийца.

Пролог

Брук Сэдлер лежит навзничь на полу в залитой солнцем кухне; она полностью одета, голова повернута вправо, на подтянутом теле ни ран, ни увечий. Будь она жива, пульс отдавал бы в яремную вену ее миниатюрной шеи. Трупное окоченение уже исказило некогда идеальную красоту плоти. Лицо умершей то и дело целуют вспышки фотокамер следователей и судмедэкспертов.

Квартира стильная, обставлена со вкусом. Каждая подушка — в точно выверенном месте, серебряные фоторамки отполированы до блеска. На ковре небольшой гостиной, сливаясь с белизной ворса, лениво вытягивает лапы пушистый кот. Пожилая соседка, утирая поблескивающие в утреннем свете слезы, жалобно рассказывает, как ее среди ночи разбудили голоса в коридоре и она, осторожно посмотрев в глазок, заметила выходящего из двери незнакомого мужчину. Свидетельница не уверена, видела ли она его до восхода солнца или после, зато с готовностью описывает таинственного незнакомца: густые каштановые

волосы, гладко выбрит, высокий, худощавый, но не такой тощий, как некоторые люди его роста. Она сравнивает человека с молодым Томом Селлеком¹.

Все говорит о том, что Брук умерла естественной смертью. Однако подтвердить или опровергнуть данное заявление предстоит после токсикологической экспертизы одного из найденных предметов.

Судмедэксперт утирает запястьем пот со лба. Как хорошо, что новый защитный костюм не закрывает руки полностью: по такой жаре непросто выполнять скрупулезную работу, да еще и липкими пальцами... Эксперту хочется открыть дверь или окно, освежить затхлый воздух в квартире. Но как бы он ни мечтал об утренней прохладе, во время расследования ничего менять нельзя. Судмедэксперт вставляет серебряный штырь термометра в живот Брук и прокалывает печень, чтобы измерить внутреннюю температуру тела. Каждое действие он выполняет медленно и тщательно. Знает, что этот случай точно попадет в главные новости...

Пронзительный крик заставляет забыть о духоте. Секунду спустя крик переходит в рыдания. Судмедэксперт отвлекается от тела и выглядывает из-за кухонного острова: у входной двери в объятиях полицейского воеет какая-то женщина. Ее отчаянные стенания — словно пара острых когтей, царапающих пол. Так убивается мать, узнавшая о смерти ребенка. Она требует, чтобы ей показали ее дочку, она

¹Том Селлек (р. 1945) — американский актер.

отказывается верить в случившееся, пока не увидит собственными глазами.

Бросив взгляд на следователя по уголовным делам, которой явно не терпится услышать его первичное заключение, судмедэксперт возвращается к своей работе. Следователю предстоит общение с прессой и — что не менее важно — отчет перед начальством. Дип-Ривер — городок небольшой, и одна такая смерть, может, и прошла бы незамеченной. Но две подряд при схожих обстоятельствах?.. Новость точно прогремит на всю страну.

Судмедэксперт осматривает лежащие на белой мраморной стойке предметы. Он уже видел подобный набор, из чего делает заключение: Брук убили тем же способом, что и предыдущую жертву. В доме Меган Колдуэлл была ровно та же картина: никаких следов борьбы, все вещи на своих местах, тело без внешних повреждений так же лежало на кухонном полу, а широко раскрытые глаза в недоумении глядели на то, как мир вокруг медленно погружался в небытие.

Судмедэксперт работает давно, но к виду смерти так и не привык. В один миг человека покидает жизнь, оставляя после себя органическую оболочку, которая немедленно начинает разлагаться, возвращаясь обратно в чрево земли, — эта метаморфоза всегда вызывала в нем ощущение неизбежности.

Из-за входной двери доносятся завывания безутешной матери. Судмедэксперт пристально смотрит на умершую, раздумывая о том, что успела Брук за свою недолгую жизнь и чего ей никогда не суждено

испытать. Первые шаги, первая любовь, годами накапливаемые знания и приложенные усилия — все в одночасье потеряло смысл.

Взгляд падает на белую кружку с изображением головы рычащей пумы малинового цвета — талисмана женской баскетбольной команды Вашингтонского университета. Странное чувство: студентка купила ее на память, а теперь из нее же отравлена...

— Осмотри кота, — не сводя глаз с кружки, хриплым голосом командует судмедэксперт неуклюжему молодому помощнику.

Ассистент подходит к пушистому белому комку, который нежится в лучах солнца на полу гостиной, и, нагнувшись, осматривает, поднимая каждую лапу, нежно расправляя розовые подушечки. Приподняв губы животного, осматривает десны. Кот выражает недовольство, толкнув незваного гостя лапой, тем не менее позволяет заглянуть себе в пасть.

— Ничего.

— Убери его.

Ассистент подхватывает животное и тянется к ошейнику с надписью «Пушок». Кот жалобно мяукает, оповещая о своем недовольстве, но все же повинуется и позволяет себя унести.

Судмедэксперт щелкает пальцами, привлекая внимание фотографа к стоящей на белой столешнице кружке. Нужны подробные снимки. Стараясь не мешать работе коллеги, мужчина изучает аромат и внешний вид чая — жидкости, ставшей причиной смерти Брук.

Присев около убитой, он вновь глядит на ее прекрасное лицо: шелковистые каштановые волосы ниспадают на кафельный пол, несколько прядей прилипли к сухим, потрескавшимся губам. Ему интересно, кто смог войти в ее дом незамеченным.

— Дэвид? — тихо окликает следователь, сидящая на высоком табурете у противоположной стороны кухонного острова.

Она не может больше ждать. Судмедэксперт поднимает голову, встречаясь с ней взглядом.

— Что, Круз?

Выражение лица девушки не нуждается в дополнительных пояснениях. Ей нужны ответы. Хотя бы первичные заключения судебно-медицинской экспертизы.

Дэвид кивает в сторону столешницы:

— Та кружка.

— Вот черт! — шипит следователь, переводя взгляд на логотип «Вашингтонские пумы». Делает вдох, затем медленно выдыхает.

Поняв, что она нервничает, судмед заверяет:

— Для тебя, милашка, как всегда, сделаю отчет побыстрее.

Обычно Круз обижается на «милашку», но Дэвид называет «милашками» всех подряд, даже мужчин. В его исполнении это просто ласковое выражение без подтекста.

— И все же действовать надо строго по уставу. Мы оба знаем, что дело будут рассматривать едва ли не под микроскопом.

Круз только стонет в ответ. Именно поэтому отчет нужен ей как можно скорее. Она уходит обратно в угол: собранные в хвост длинные черные волосы ритмично покачиваются при каждом шаге.

В кармане ее костюма вибрирует мобильный телефон, на экране которого высвечивается фотография Трента Валлетты, ее напарника.

— Слушаю!

— То же самое? — спрашивает он по-испански.

— Да.

Долгий и громкий выдох на другом конце в точности иллюстрирует ее состояние.

— Увидимся позже? — Это вопрос и утверждение одновременно.

— Да.

Продолжая наблюдать за действиями коллег, словно охотник, высматривающий добычу, Круз размышляет, сопоставляя факты и нащупывая связи между невидимыми точками.

«Пятьдесят четыре процента женщин убиты кем-то, кого они знали», — всплывает в мозгу известная истина.

Перед следствием два неоспоримых аргумента: ни насильственного проникновения, ни видимых следов борьбы.

Брук знала убийцу.

Осталось найти таинственного незнакомца, которого видела соседка.

Глава 1

СМЕРТЬ ЛЮБВИ

Когда умирает любовь? Может, когда кто-то из пары больше не старается ради отношений? Или же один из двоих прекращает всякие попытки, когда проходит влюбленность? Уверена, Роб меня очень любит. Любит лицо и тело, всепрощение и способность подстроиться под любую компанию. Что и говорить, я прекрасно вписываюсь в жизнь такого человека, как он.

В своих любимых черных легинсах и черном, утащенном у мужа свитере я дефилирую мимо его кабинета. Останавливаюсь на мгновение, чтобы взглянуть, как Роб что-то пишет. Его пальцы порхают над клавиатурой. Голубоватое свечение от двух экранов падает на твердую, накачанную грудь. Делаю глоток чая, наблюдая, как муж, формулируя очередную мысль, покачивает под столом огромными ступнями. Заметив меня, он поворачивает голову и дарит любящую улыбку.

— Почти закончил.

То же самое он говорил тридцать минут назад. Похоже, спать я пойду в одиночестве.

Когда мы только начали встречаться, то занимались любовью несколько раз в день. Меня пьянили его запах, его дыхание. Мы не вылезали из постели, не могли насытиться друг другом. Если он не в командировке, мы до сих пор занимаемся любовью несколько раз в неделю, однако уже не так, как прежде. Он совершает те же движения, по тому же сценарию, но словно делает это не со мной.

Перед тем как уйти и поставить пустую чашку в раковину, я вижу, как Роб проверяет телефон и чему-то улыбается. Кто ему написал? Что там?

Я ловила мужа на измене трижды. С поличным. И каждый раз его накрывало чувство вины.

Первый раз я застала его с женщиной по имени Рада. Она работала в принадлежащей Робу фармацевтической исследовательской компании «Анекса». Фамилии Рады не знаю, но радости эта силиконовая кукла уж точно ни хрена не принесла, во всяком случае мне. Она отправила мужу свое обнаженное фото, которое, вместе с их фривольной перепиской, на общем «Айпэде» получила и я. Разговор был примерно такой:

Рада: (Фото: она голая стоит перед зеркалом — силиконовый бюст, искусственный загар, фальшивый блонд, накладные ногти, полное отсутствие лобковых волос)

Среди волков

Роб: Ах ты ж!.. (чередa тупых смайликов на ваше усмотрение)

Рада: Вечером занят? Я соскучилась...

Роб: Абсолютно свободен. Где и когда?

Рада: Давай опять у меня. В 9?

Роб: Пока, киска, увидимся!

Этот короткий диалог я прочитала, сидя на кухне. Сказать, что он меня потряс, — ничего не сказать. Он разрушил мой мир до основания. Никогда не забуду, как замедлилось время: меня затрясло и чуть не вывернуло наружу, сердце рвалось из груди.

Вот же глупость: оказывается, я та самая обманутая жена. Специалист с высшим образованием, уволившийся с престижной работы, чтобы посвятить себя дому и материнству. Я думала, успешный муж позаботится обо мне и будущих детях...

Но больше чем его я ненавидела себя. За то, что допустила такую ситуацию. Раньше я не понимала жен, которые говорили, что ни о чем не догадывались. Я считала, что у нас все хорошо: в семье царят счастье и любовь, в постели — блаженство. Думала, о таком можно только мечтать... Как же я заблуждалась!

Уже не помню, какую виртуозную ложь придумал Роб. Вошел на кухню и начал сочинять что-то про срочный вызов на работу в новый, недо-